

А.Б.Давидсон

Я очень рад увидеть здесь своих однокашников и поговорить о В.С.Дякине. Поводов для таких разговоров много, например в контексте «историк и власть». Я не буду пытаться рассматривать через эту призму всю жизнь Валентина. Хочу сказать только об одном периоде его жизни и о причинах, которые заставили его поменять коренным образом сферу своих научных интересов. Здесь все, наверное, будут говорить о нем как о специалисте по российской истории, но он ведь начинал совсем не с этого. И уже защитив диссертацию и очень много сделав в другой сфере, он круто поменял и период, и страну, которыми занимался, и коллектив. Он изучал послеоктябрьский период – стал исследовать дооктябрьский; занимался международным коммунистическим движением, историей Германии 20-х годов накануне прихода Гитлера к власти – обратился к истории России.

И вот в связи с тем, что он так круто поменял сферу своих интересов, я хотел бы поставить такой вопрос: были ли причины этого в его личных наклонностях или это было что-то более глубокое? Большинство тех, кто здесь присутствует, знают Валентина, каким он был в 1947–1952 гг. в университете или в то время, когда он был здесь. Но период с 1953 по 1958 г., когда он был в Москве, в общем-то, пожалуй, я знаю лучше, чем большинство присутствующих. И вот об этом я хотел бы рассказать.

В Москву Валентин приехал после того, как поработал преподавателем педучилища. Мы с ним вместе поступили в аспирантуру в 1953 г., жили в одной комнате более полутора лет, проводили бок о бок 24 часа, потому что и в библиотеке целый день занимались вместе. Поначалу Валентин считал великим успехом, что он поступил в аспирантуру Института истории. Для него это было большое счастье – попасть из Ленинградского университета, униженного «ленинградским делом», «борьбой с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом» (ведь Ленинградский университет почувствовал на себе все это намного острее, чем Московский), в центр научной жизни – а это и был центр научной жизни.

Институт истории был действительно крупнейшим на-

учным учреждением в нашей области. Помню первое заседание, на котором я присутствовал. Я потом рассказывал Валентину (мы с ним были в разных секторах), как я был ошеломлен. Я был на заседании Сектора новой истории Института истории в ноябре 1953 г. Меня поразило не то, что там было девять докторов наук по новой истории (а во всем Ленинграде было только два), а то, что конкретно обсуждалось – работа Альберта Захаровича Манфреда. Кто-то из присутствующих бросил ему упрек в излишней публицистичности его статьи, на это он ответил, что стилию он учился у Анатоля Франса, а А.Франс говорил: «Ласкайте вашу фразу – и она будет улыбаться вам». И вот после этого выступили шесть человек, и из них пять смогли сказать не только по существу статьи Манфреда, но и об отношении А.Франса к стилию. Я был изумлен. Никто из них не готовился специально.

Обстановка тогда на Волхонке, 14, где помещался Институт истории, была поразительной. Перед входом в здание вывешивались объявления о том, что там будет происходить. И мы ходили на очень многие заседания, а были удивительно интересные вещи. Приезжали сидевшие в ГУЛАГе, выступал С.М.Дубровский с предложением убрать памятник Юрию Долгорукому, выступали и многие другие люди, иногда с забавными, иногда – с очень серьезными речами, – люди, которые провели в ГУЛАГе по 20 лет.

Конечно, нас тянуло в родной город, все были тут – и друзья, и родные, и дом, и девушка, которую Валентин любил и которая потом стала его женой. Мы снимали комнату у старушки, ей тогда было намного меньше лет, чем сейчас мне. Комната была 16 кв. метров, в ней стояли кровать, стол и диван. На диване спала старушка, а стол и кровать делили мы с Валентином, одну ночь он спал на столе, а я на кровати, другую – наоборот. К девяти часам утра мы уже стояли у входа в Фундаменталку или Библиотеку Ленина. Возвращались, когда библиотека закрывалась, писали диссертации там, потому что дома негде было писать, но все эти трудности, в общем, не расхолаживали.

Валентин работал – не буду повторять – эффективно, результативно: чем больше и чем дальше он проникал в тему, которой занимался, – это международное коммунистическое движение, немецкая компартия между 1924 и 1928 гг., – тем ему становилось все труднее. Ему дали защититься. Но после защиты выяснилось, что он продолжает отстаивать не вполне ортодоксальную точку зрения и что ему не очень нравились существовавшие тогда в Секторе новейшей истории взгляды на немецких социал-демократов как реформистов, социал-фашистов, раскольников в рабочем движении. Спорить с этим было бессмысленно, особенно с его научным руководителем Николаем Ивановичем Саморуковым. Он был матрос, как он говорил, с Балтики. Потом, в конце его жизни, выяснилось, что он был анархистом на Черноморском флоте. Германская группа была самой сильной в том секторе, где трудился Валентин. В ее составе были выпускники Академии общественных наук, преследовавшие Владимира Михайловича Турока за недостаток ортодоксальности. Я помню его слова: «Вот как бывает, у нас в Институте истории 25 выпускников Академии общественных наук – 25 мастеров интриги». Они поедом ели В.М.Турока, и он за последние двадцать лет жизни, в общем, ничего не написал.

На этом фоне можно представить себе, каково было Валентину. Однажды, когда он в коридоре института встретил Александра Александровича Фурсенко и пожаловался ему на всю эту обстановку, на то, что негде жить, и сказал, что получил предложение заведовать кафедрой – не помню, в Самарканде или Кустанас, – и собирается туда ехать, Александр Александрович спросил: «Почему не в Ленинград?» Валентин просто ошалел от радости. Так изменилась его судьба: оставив занятия Германией, он перешел на совсем иную тематику. Это не просто судьба нашего друга. На ней очень наглядно проявилась вся та эпоха. Дело, в сущности, не в тех германистах, которые его травили, а в том, что, в общем, они отражали существовавшую линию. Власть требовала, чтобы историки занимались наиболее актуальными с ее точки зрения, темами. но она не давала возможности работать над ними сколько-нибудь

серьезно. В сущности, Валентин оказался тогда в тушковой ситуации. Теперь открыт закрытый тогда архив Коминтерна. А как можно было без него работать? Тогда не было возможности опросить людей, работавших в Коминтерне, хотя они были рядом: Семен Ростовский, Исаак Григулевич, который только потом признался, что участвовал в убийстве Троцкого, был Д.С.Давидович, работавший в Германии, но никто ничего рассказывать бы не стал. Теперь есть доступ к документам, обнародованы многие воспоминания, и я думаю, что если бы сейчас Валентин был жив, его, очевидно, потянуло бы в архив посмотреть, что же на самом деле представляли собой те события, о которых он писал тогда, в 50-е годы.

В.Л.Шейнис

Мне хотелось бы поблагодарить за приглашение на конференцию памяти В.С.Дякина, потому что В.С. был одним из близких моих друзей на протяжении длительного времени. Мы познакомились с ним во второй половине сентября 1945 г. Он был очень незаурядным, разносторонним человеком. Он был не только ученым, но и любил играть в шахматы, писал стихи, на мой взгляд, – хорошие стихи; я любил их и некоторые из них помню до сих пор.

Но прежде всего В.С.Дякин был российским интеллигентом в самом лучшем значении этого слова. Все беды и боли нашего времени, нашего общества проходили через его сердце. Это проявлялось и в его политических взглядах, и в его политических выступлениях.

Об одном из них, когда он выступил и как ученый, и как политик, я хочу вспомнить сегодня. Я привез ксерокопию его статьи, которая была опубликована на страницах «Конституционного вестника»: это мнение В.С. о том, каким должно быть новое государственное устройство нашей страны. Я считаю, что предположения В.С., высказанные им в мае 1991 г., заслуживают того, чтобы их знала более широкая аудитория.